

ARTHUR PHILLIPS

THE KING
AT THE
EDGE
OF THE
WORLD

АРТУР ФИЛЛИПС

КОРОЛЬ
НА КРАЮ
СВЕТА

Перевод с английского Натальи Осяну

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111 (73)
ББК 84(7Coe)
Ф53

Arthur Phillips
THE KING AT THE EDGE OF THE WORLD

This translation published by arrangement
with Random House, an imprint
and division of Penguin Random House LLC

Перевод с английского: *Наталия Осояну*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Copyright © 2020 by Arthur Phillips
All rights reserved
© Наталия Осояну, перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Моим родителям, Энн и Феликсу, с любовью

Мы знаем, что наши враги лгут нам. Но какая разведывательная операция могла бы убедить вас в том, что их заявление — не ложь и не оперативная легенда? Что нет никакого советско-американского отставания в ракетной технике. Что Хусейн не скрывает оружие массового уничтожения. Если отсутствие доказательств не является доказательством отсутствия, то что, черт возьми, вообще может им быть?

Т. Маккради Хьюз. Жизнь в разведке

Часть первая

МАХМУД ЭЗЗЕДИН, 1591 Г.

В своей переписке с султаном [прося о помощи в борьбе с испанскими католиками] королева [Елизавета I] подчеркнула тот факт, что, будучи христианкой-протестанткой, она отвергла идолопоклонничество, которое практиковали папа и испанский король. Ее христианство, как она намекала, было ближе к исламу, чем католицизм... Католики говорили [в Константинополе], что «англичанам не хватает сущего пустяка, чтобы сделаться правоверными мусульманами: достаточно лишь шевельнуть пальцем — и станут они едины с турками по внешнему виду, по религиозным обрядам и во всех характерных особенностях».

Набиля Матар. Ислам в Британии,

1558—1685

В начале 1591 года по христианскому летоисчислению визири Мурада Великого^{1*} — третьего османского султана, носящего такое имя, Хранителя Двух Святынь², Халифа Халифов — собрались во Дворце счастья³, что в Константинополе, в стране турок, и отправили посольство в далекое, бессолнечное, отсталое, промозглое, языческое королевство на самом краю цивилизованного мира. Султан назначил послом человека преданного, достойного доверия — пусть и не играющего важной роли при дворе, — и уполномочил его вести переговоры с обитателями этого клочка сырой земли.

Так или иначе, было необходимо послать кого-нибудь, чтобы обсудить торговлю, охранные свидетельства и возвращение на родину несчастных турецких моряков, захваченных пиратскими судами, которые прятались в гаванях этого варварского острова. Пираты процветали под покровительством взбалмошной султанши, ожесточившейся из-за нищеты, слабости, вселяющей страх изоляции и противоестественного статуса незамужней женщины у власти. Она также

* Текст примечаний см. в конце книги.

умоляла османского султана о поддержке в борьбе с врагами, поскольку увязла в кровавой и бесконечной сектантской войне с себе подобными в связи с каким-то непостижимым разногласием по поводу их фальшивой религии. Султан счел, что пришло время отправить компетентного человека на остров англичан, чтобы добиться от королевы уступок.

И вот посол и его свита собрались на край света. Посол — евнух, который родился христианином в Португалии и постиг истину Мухаммеда, в возрасте одиннадцати лет попав в плен — возглавлял небольшую компанию, всего четырнадцать человек: его главный советник, доктор медицины, слуги, писцы, охранники. Он вез для султанши, помимо множества других подарков, пару львов, ятаган, рог единорога и десяток английских пиратов, захваченных турецкими моряками.

Этот последний подарок обеспечил послу и его спутникам торжественную встречу с факелами в Лондоне, возле церкви Святого Лаврентия у Гилдхолла⁴, где толпа горожан таращилась на гостей, пока они извилистым путем направлялись к большому дому, где им предстояло жить пять месяцев до возвращения в Константинополь.

Доктор Махмуд Эзедин, отвечавший в первую очередь за здоровье посла и по остаточному принципу — всех прочих участников посольства, пытался избежать этого путешествия, но о его участии попросили особым образом.

Он обогатился и приобрел репутацию, заполучил расположение и почет, жену и ребенка, дом и безопасность исключительно благодаря тщательно накопленным медицинским знаниям. Он возвысился до того, чтобы стать одним из врачей, которым были доверены тела самого султана и его семьи, и жил в Константинополе, ни в чем не нуждаясь. Не было ровным счетом ничего приятного в том, чтобы на год расстаться с женой, не видеть, как растет сын, не пытаться зачать второго ребенка. Успеха в этом деле пока что не наблюдалось, но доктор наслаждался процессом. И, что не менее важно, не было ничего приятного в том, чтобы оказаться вдали от семьи властителя, чье здоровье он оберегал и лелеял даже больше, чем собственное.

Он осмелился поинтересоваться у влиятельного придворного, нельзя ли сделать так, чтобы вместо него послали другого врача. Придворный сказал, что попробует разузнать, но, должно быть, сделал это неуклюже, ибо через несколько дней к Эзедину домой явился

Джафер⁵ бин Ибрагим — будущий главный советник посла в экспедиции.

— Доктор Эзедин,— сказал Джафер за кофе и инжиром, которые укутанная в прозрачное покрывало жена доктора, Сарука, принесла во внутренний двор и подала в тени иудиных деревьев⁶ в розовом цвету.— Это я предложил султану отправить вас в Англию. И он с энтузиазмом воспринял идею, что вы будете нас всех оберегать. Неужели вы отказываетесь?

— Ну что вы, я и не думал отказываться.

— Рад слышать это из ваших уст. Я ошибочно истолковал речи некоего придворного недоумка, который исказил ваши слова и душевные порывы. Будьте осторожнее с тем, кому вы их доверяете. Могу я взять еще один инжир?

Сын доктора, Исмаил, проплакал две ночи после того, как узнал о приближающемся отъезде отца в христианскую Англию.

— Но ведь я не уезжаю так уж надолго,— сказал доктор Саруке, когда мальчик устал рыдать и заснул.— Привезу ему что-нибудь английское в подарок. Приятно думать, что по мне будут так скучать.

Он потянулся через кровать к руке жены.

— Он боится, что ты не вернешься,— сказала она.— Он говорил мне, что боится, будто тебя съедят львы.

— Я успокою его. У англичан нет львов.

Однако на следующее утро мальчик был не в том настроении, чтобы с ним сюсюкались.

— Я не говорил «львы»! — заявил он, топнув ножкой.— Я сказал — Львиное Сердце. Ты отправляешься туда, откуда пришел Ричард Львиное Сердце.

Эзедин постарался не рассмеяться.

— Но Львиное Сердце давно умер. И все крестоносцы давным-давно потерпели поражение. Крестоносцев больше нет.

— Но его народ все еще может быть таким же, как он. И они захотят тебе навредить.

— Обещаю, со мной все будет хорошо,— сказал доктор Эзедин, целуя мальчика в макушку. Пахло чем-то сухим и сладким, как цветочная пыльца.

Сарука сказала ему вечером перед отъездом:

— Плохо, что ты уходишь. Я не хочу смотреть, как ты уезжаешь. Поэтому я тренируюсь: воображаю, что это уже случилось, и пытаюсь принять случившееся. Я не хочу проклинать твое отсутствие.

Утром на улице, пока сын цеплялся за его ногу, жена поцеловала Махмуда Эзедина.

— Я принимаю,— сказала она, прежде чем заплакать и оттащить плачущего мальчика.

Доктор отправился к морю. Он старался не оглядываться, но ничего не вышло.

В период пребывания в Англии посол и его люди побывали на аудиенциях у английской султанши в Гринвичском дворце⁷ и еще одном, Несравненном⁸, а сами, в свою очередь, принимали ее и сопровождающих на пирах *à la Turkeska** в резиденции посла, где самостоятельно забивали животных и готовили мясо надлежащим образом. Официальные переговоры тянулись несколько месяцев, в холодных комнатах королевских дворцов или в принадлежащих владычице зеленых парках. Стороны достигли соглашения относительно морских путей и свободных сухопутных проходов, обмена захваченными пиратами/моряками, различных иммунитетов и способов защиты для англичан, путешествующих по Османской империи. Дипломатия, в основном, представляла собой дуэль воображений, конструирование событий, которые еще не произошли, но внезапно стали весьма насущными.

— А если англичанин, путешествующий по Константинии, пожелает обратиться в религию Мухаммеда? — спросил главный советник посла Джафер бин Ибрагим.

* В турецком духе.

Этот конкретный вопрос позабавил английских переговорщиков, которые никогда не покидали родину, но глубоко встревожил других, кому довелось путешествовать, особенно в магометанских землях. О любой религии, которая обещала богатство, возможности и жен в *этом* мире, а не в загробном, можно было сказать многое. (Туркам эта истина была близка, как воздух, и жить с нею приходилось постоянно. Дома, в Константинополе, бин Ибрагим всегда поспешно продавал рабов-христиан, подумывающих о переходе в истинную веру, поскольку иначе пришлось бы освободить их себе в убыток: порабощение единоверцев — дело противозаконное.)

И наоборот, возник вопрос о турецких купцах, путешествующих по Англии, об их свободном и безопасном проезде по всему королевству, о том, какую защиту королева могла бы гарантировать гипотетическому магометанскому покупателю, скажем, олова. Мог ли такой человек невозбранно поселиться в Лондоне? Или отправиться на рудники вглубь страны? И молиться Аллаху и его святым, как того требовал закон, пять раз в день? Даже когда было указано, что евреи (которые, очевидно, были хуже и опаснее) иногда могли беспрепятственно передвигаться, англичане сочли перспективу турка, свободно путешествующего по их землям, настолько удивительной и явно нездоровой для политики, что эту тему временно отложили. Но затем один из тайных советников королевы, Роберт Бил⁹, отметил, что если (как настаивали турецкие переговорщики) любому англичанину в Османской империи, который со свободной совестью желает присягнуть на верность Мухаммеду, нельзя помешать поступить подобным образом, то любой магометанин, желающий